

УДК 130.2

Т. И. Врублевская-Токер
Белорусский государственный университет
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЗЛА ХАННЫ АРЕНДТ

В статье рассматривается философский этический подход к проблеме зла в творчестве Ханны Арендт, характеризующийся следующими признаками: использование феноменологической методологии с последовательным выявлением отдельных проявлений зла, которые сами показываются наблюдателю, и критическим анализом в качестве метода отделения того, что не позволяет представить феномен зла с полной ясностью; введение двух понятий, «радикальное зло» и «банальное зло», для описания феномена зла; выделение ряда свойств и качеств личности и общественных отношений, в сумме составляющих условие для превращения зла в повседневное, привычное явление, лишённое острых эмоциональных оценок и не предполагающее специальных практик для его искоренения. Цель статьи – представить модель общественных отношений, допускающую незамеченное распространение зла как обыденного, привычного, повседневного, банального положения вещей. В соответствии с поставленной целью выявляется такая модель: тип связи между социальными группами и членами сообщества исключает возможности ответственного поведения индивидов и групп, целью всякого социального действия признаётся порядок, практики иносказания и образных выражений скрывают действительное зло в поступках и решениях, участникам этих отношений отказано в способности критического мышления, они существуют в двух планах – как участники общественных и повседневных приватных практик, при этом их поступки и решения не дифференцируются в соответствии с этими видами практик.

Ключевые слова: Ханна Арендт, зло, банальность зла, радикальное зло, этика, феноменологический метод, феноменология зла.

Для цитирования: Врублевская-Токер Т. И. Феноменология зла Ханны Арендт // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 1 (281). С. 149–154.
DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-28.

T. I. Vroublevskaya-Toker
Belarusian State University
HANNAH ARENDT'S PHENOMENOLOGY OF EVIL

The article examines the philosophical ethical approach to the problem of evil in the works of Hannah Arendt, characterized by the following features: the use of phenomenological methodology with the consistent identification of individual manifestations of evil, which show themselves to the observer, and critical analysis as a method of separating all that does not allow the phenomenon of evil to be fully represented in clarity; the introduction of two concepts “radical evil”, and “banal evil”, to describe the phenomenon of evil; highlighting a number of properties and qualities of personality and social relations, which together constitute the condition for transforming evil into an everyday, familiar phenomenon, devoid of acute emotional assessments and not requiring special practices for its eradication. The purpose of the article is to present a model of social relations that allows for the unnoticed spread of evil as an ordinary, familiar, everyday, banal state of affairs. In accordance with the stated goal, the following model is revealed: the type of connection between social groups and members of the community excludes the possibility of responsible behavior of individuals and groups, the purpose of any social action is recognized as order, the practices of allegory and figurative expressions hide the real evil in actions and decisions, the participants in these relations are denied abilities of critical thinking, they exist on two levels – as participants of public and everyday private practices, while their actions and decisions are not differentiated in accordance with these types of practices.

Keywords: Hannah Arendt, evil, banality of evil, radical evil, ethics, phenomenological method, phenomenology of evil.

For citation: Vroublevskaya-Toker T. I. Hannah Arendt's phenomenology of evil. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 1 (281), pp. 149–154 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-28.

Введение. Тема зла занимает в творчестве немецкого и американского философа Ханны Арендт особое место: она пронизана личными горькими

переживаниями, трагедией Холокоста, вырастает из опыта жизни в тоталитарном государстве. Благодаря творчеству Х. Арендт зло как концепт,

явление, практика стало важной частью современной социогуманитарной мысли. Тема зла возникает в результате рефлексии о крупнейшей катастрофе XX в. – зарождении и возвышении нацизма, приведшего к ужасам войны и геноцида. Х. Арендт стремится понять, как обычные люди, не замеченные в особенных злодействах, обладающие нормальной психикой, массово поддерживали разрушительную идеологию, вступали в ряды палачей, исполняли преступные приказы. Х. Арендт далека от наивной мысли о том, что это был единичный случай в истории и он никогда больше не повторится. Ее интерес к теме зла вызван заботой о защите от механизмов его укрепления в нашей жизни и выражается в поиске причин и способов, благодаря которым зло становится обычным, незаметным, оправдывается людьми как неизбежное, а потому нормальное положение вещей.

Цель статьи – на основе идей философского творчества Х. Арендт представить модель общественных отношений, допускающую незаметное распространение зла в обыденной, привычной, повседневной деятельности людей. Реализации поставленной цели способствует решение следующих задач: рассмотреть своеобразие методологического подхода Х. Арендт к проблеме зла, выделить его составные части, выявить специфику описания феномена зла в философском творчестве Х. Арендт, выделить свойства и качества личности и общественных отношений, в сумме составляющие условие для превращения зла в незаметное, повседневное, привычное явление, которому не даются острые эмоциональные оценки, против которого не вырабатываются специальные практики.

Основная часть. В своих работах Х. Арендт исследует социальные, политические и нравственные явления. Познание подобных явлений, характеризующихся изменчивостью, разнообразием и частой несогласованностью содержания, включающих в качестве важных элементов субъективные переживания и стремления, предполагает использование соответствующей методологии, которая позволила бы связать вместе единичные признаки вещей и явлений, воспринимаемые в опыте. Х. Арендт в отношении практических проблем морали и мышления применяет методы феноменологии, в частности две феноменологические установки: «она рассматривает феномены как то, что само представляет и показывает себя, и критически разбирает и отбрасывает те концептуальные схемы, которые затемняют и скрывают такие феномены» [1, с. 9–10].

Феноменология как метод обладает известной универсальностью, она может применяться к любым явлениям. Феноменологический метод предполагает установление связи воспринимаемого

объекта и сознания исследователя в силу интенциональной природы сознания, или его направленности на объект. Объект, в свою очередь, представляет себя сознанию, и это проявление воспринимается как то, чем он и является. Задача исследователя – понять, что в этом проявлении он воспринимает ясно, а что затрудняет ясность восприятия. Обычно к затрудняющим восприятие факторам относятся собственные мыслительные установки исследователя, включающие еще не совсем известный объект в уже известные понятийные множества. Достоинство феноменологического метода в том, что с его помощью можно изучать единичные, неповторимые явления, такие как, например, деятельность Адольфа Эйхмана, одного из нацистов, ответственных за геноцид еврейского народа.

В книге «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме» [2] Х. Арендт ведет репортаж с заседаний суда над беглым нацистским преступником Адольфом Эйхманом, которого обнаружили в Аргентине спустя почти двадцать лет после окончания войны и в результате успешной секретной операции доставили в Иерусалим, на суд. Однако судьбы сталкиваются с тем, что сам Эйхман не принимал непосредственного участия в казнях людей, и даже не был их инициатором, он был сотрудником системы, исполняющим распоряжения. Этот шокирующий парадокс заставляет Х. Арендт задуматься о природе зла, которое совершается при активном участии человека, не считающего, что он творит зло.

Феномен зла, возникший перед ней, Х. Арендт описывает с использованием двух понятий: «банальное зло» и «радикальное зло». О первом она пишет так: «В ходе процесса над Эйхманом в Иерусалиме... я говорила о «банальности зла». За этой фразой для меня не стояло никакой доктрины, хотя смутно я понимала, что это идет вразрез с нашей традицией мышления – литературной, теологической или философской – о феномене зла. Зло, как нас учили, есть нечто демоническое. <...> Злые люди, говорили нам, действуют из зависти. <...> Или же ими может двигать слабость. Или, напротив, мотивом может быть сильная ненависть, которую слабость чувствует по отношению к явной доброте. <...> Однако то, с чем я столкнулась, было совершенно иным, но в то же время столь же неоспоримо фактическим. Меня поразила явная мелочность того, кто все это совершил, что не позволяло проследить неоспоримое зло его поступков до каких-то более глубоких корней или мотивов. Его дела чудовищны, но тот, кто все это сделал, – по крайней мере, тот самый, кто теперь стоит перед судом, – был вполне обычным человеком, даже банальным. В нем не было ничего демонического или чудовищного. В нем не было никаких

признаков твердых идеологических убеждений или каких-то особенных злых мотивов. Единственная достойная упоминания черта в его прошлых поступках, как и в его поведении на суде и в ходе досудебного полицейского расследования, это что-то полностью негативное: это не глупость, но безмысленность» [3, с. 11–12].

О втором, «радикальном зле», Х. Арндт рассуждает в контексте философских этических традиций, отдельно указывая, что этот термин принадлежит И. Канту [3, с. 338]. Современные исследования творчества Х. Арндт позволяют составить представление о сущности этого понятия: «Радикальное зло в концепции Арндт выступает смысловым контекстом для формулирования понятия «банальность зла». Если для Канта радикальное зло было обусловлено отношением одного человека к другому исключительно как к средству, то для Арндт радикальное зло в первую очередь – характеристика тоталитарного государства, его отношения к человеку как к чему-то в принципе ненужному, и даже не имеющему права на существование» [4, с. 10]. Иными словами, «радикальное зло» проявляет себя в «расчеловечивании», дегуманизации человека. На первый взгляд, идеология нацистов дегуманизировала всех, кто не относился к так называемой арийской расе. Однако практики банального зла показывают, что она отказывала в праве называться человеком всем без исключения – и жертвам, и исполнителям преступлений. «Радикальное зло планомерно и последовательно, в нем нет никакой спонтанности и непредсказуемости. Парадокс радикального зла заключается как раз в том, что возникая по абсолютно неочевидным причинам, лишь как побочное следствие устройства тоталитарного государства, оно функционирует очень точно и просчитано в каждом своем шаге. В концепции радикального зла основным механизмом является механизм обезличивания как жертв, так и самих исполнителей» [5].

Исследователи философского творчества Х. Арндт сходятся во мнении, что она не называет способ связи радикального и банального зла, однако выражают собственные позиции по этому вопросу, показывая, что эти виды зла являются условиями друг друга или, что особенно интересно, связаны с двумя сферами бытия индивида: политической и нравственной соответственно [5].

Свойства и качества общественных отношений и личности, в сумме составляющие условие для превращения зла в незаметное, повседневное, привычное явление, Х. Арндт выводит из наблюдений, сделанных на иерусалимском процессе, изучая его материалы и рассуждая о собственных впечатлениях.

Она описывает Эйхмана (в своих книгах не упоминает его имени) как человека без особенных талантов, который с горем пополам выучился и благодаря знакомствам отца получил место в торговом представительстве нефтеперерабатывающей компании. Жизнь Эйхмана, как отмечает Арндт, была полна скуки и разочарований. И даже решение вступить в ряды СС он не рассматривал как нечто значимое, то, что перевернет, навсегда изменит его жизнь. Наоборот, это был обычный переход на новое место работы, тем более к знакомому человеку: Эрнест Кальтенбруннер, впоследствии один из высокопоставленных чинов СС, был партнером в фирме отца Эйхмана. Единственное, о чем Эйхман говорит с сожалением, так это о том, что он из-за собственной ошибки не попал, как хотел, в специальное подразделение, обеспечивающее безопасность партийных лидеров [2, с. 54–64]. Несмотря на то, что Х. Арндт напрямую не высказывает эту мысль, она нам понятна: участником практик банального зла является самый обыкновенный человек, «...не фанатик-нигилист, а степенный обыватель, который привык к субординации и трудовой дисциплине и которому нужно кормить семью» [6, с. 54]. Человек, не выделяющийся никакими особенными талантами и ничем особенно не интересующийся, понимающий это, и потому не имеющий особенных устремлений в жизни, тем не менее, хочет обрести основания для того, чтобы считать себя значимым. Присоединиться к элитной группе военных – хорошая возможность для этого, но и она была упущена. Эту идею Х. Арндт поддерживает следующим рассуждением: «...он предпочел бы – если б его об этом спросили – быть повешенным как оберштурмбанфюрер в отставке, а не прожить долгую жизнь тихого и скромного коммивояжера нефтеперерабатывающей компании» [2, с. 61].

Подобное стремление к «престижу» дополняет еще одно свойство, способствующее превращению зла в повседневность и сглаживанию его шокирующего воздействия на личность, – стремление освободиться от ответственности, полагаясь на авторитет, особенно тогда, когда человек сам не знает, как поступить. Привычка нерезлексивного, автоматического отношения к жизни здесь поддерживается реализацией потребности в оправдании своих действий принадлежностью к группе особого ранга.

В нормальном обществе роль нематериального авторитета, дающего поддержку личности, но не избавляющего ее от ответственности, выполняет мораль, в тоталитарном – правила и практики, порождаемые тоталитарной идеологией, на которые можно сослаться как на причину отказа от ответственности, мол, выполнял то, чего требовало положение. Мысли Х. Арндт

косвенно подтверждаются социально-психологическими экспериментами, которые наглядно показали, как легко человек может отказаться от своеволия и начать выполнять простые, в силу их схематизма, правила [7].

Желание ощущать собственную значимость и не ощущать никакой ответственности свидетельствует об отсутствии между ними связующего звена – мышления, ключевого понятия в рассуждениях Х. Арендт о банальности зла. Следует помнить, что она отличает мышление от познания, рассматривая его в нетрадиционном аспекте, в антиметафизических терминах и трактует его как человеческий опыт, как смыслообразующую деятельность [8, с. 38]. «...При реконструкции понятия банальности зла особый акцент делается на исследовании мышления. В обращении к мышлению Арендт видела единственную возможность принимать морально правильные решения и противостоять банальности зла» [9, с. 100]. Этот особый статус мышления в рассуждениях Х. Арендт о зле показывают, что действительной альтернативой подобным разрушительным отношениям она полагала организацию общественных связей по принципам кантовской этики. «Вопрос “Что я должен делать?” может найти свой истинно адекватный ответ не в плоскости привычек, обычаев или божественных заповедей, а в регистре отношения к самому себе. Эта осознанная необходимость жить в ладу с самим собой устанавливает внутренние границы того, что человек может себе позволить. Зло становится возможным там, где такие границы полностью отсутствуют. Следовательно, мышление как таковое оказывается главным условием, которое заставляет людей воздерживаться от совершения зла или даже способно настраивать их против зла» [10, с. 31]. Специфической чертой концепции Х. Арендт является то, что действующим субъектом общественных отношений остается человек, и переход этой роли к объединениям, группам, обществу или государству, по крайней мере, потенциально ведет к превращению того, что отдельной личностью воспринимается как зло, – в привычные практики по организации общественных отношений. Не случайно Х. Арендт обращает внимание на то, что Эйхман говорил о категорическом императиве И. Канта, или моральном законе, существующем не иначе как персональный принцип всякой личности. «Ко всеобщему удивлению, Эйхман разразился довольно точным определением категорического императива: “Под этими словами о Канте я имел в виду, что моральные нормы моей воли всегда должны совпадать с моральными нормами общих законов”. Он добавил, что читал “Критику практического разума” Канта. И далее пустился в объяснения,

что с того момента, как его обязали выполнять “окончательное решение” (*решение о полном уничтожении евреев – Т. В.-Т.*), он перестал жить в соответствии с кантовскими принципами, что он сознавал это, но утешал себя мыслью о том, что он больше не был “хозяйном своих собственных поступков”, что не в его воле было “что-либо изменить”. Однако он не сказал, что в это “время узаконенных государством преступлений”, как он сам теперь его называл, он не просто отбросил кантовскую формулировку как неприменимую более – он ее изменил, и теперь она звучала следующим образом: “Поступай так, чтобы нормы твоих поступков были такими же, как у тех, кто пишет законы, или у самих законов твоей страны”» [2, с. 204–205]. Мы можем здесь видеть эту тонкую подмену: индивид уже больше ни за что не отвечает, а все вершимо зло происходит по воле, принадлежащей символическому субъекту.

Необходимость ощущать ответственность «стирается» введением так называемых «языковых норм» или применением слов с нейтральным или возвышенным смыслом вместо тех, которые называют зло злом. Так, депортация и принудительное переселение евреев именовалась «сменой места жительства», «переселением», «нарядом на работу на Востоке» [2, с. 138]. «Смысл такой языковой системы заключался не в том, чтобы исполнители не понимали, чем им следует заниматься, а в том, чтобы отучить их сравнивать “языковые нормы” с их прежним, “нормальным” пониманием того, что есть убийство и что есть ложь» [2, с. 139].

Отказ от мышления в поступках и решениях сопровождается еще одной особенностью в поведении человека: «...в характере Эйхмана присутствовал еще один более серьезный и имеющий большие для него последствия недостаток: полная неспособность взглянуть на что бы то ни было чужими глазами» [2, с. 80]. Эта черта согласуется с идеей «расчеловечивания» участников практик банального зла – им не свойственно не только критическое мышление, но и умение видеть более чем одну точку зрения, отличную от той, что была продиктована им.

Людей, живущих в такой системе общественных отношений, отличает также двойственность жизненной позиции, которая возникает не в результате их собственной лицемерности, а является модусом существования. Так, об Эйхмане было известно, что у него есть еврейские родственники, к которым он относился благосклонно и помогал избежать ареста им и их знакомым. По службе он имел дело со многими представителями еврейской диаспоры, обсуждал с ними возможное количество их соплеменников, которые будут уничтожены, и совершенно не видел

противоречий в своих взглядах. «Когда Эйхмана спросили, как ему удалось совместить его личное отношение к евреям с явным и яростным антисемитизмом партии, к которой он принадлежал, он ответил пословицей: “Мне казалось, что черт не так страшен, как его малюют” – эта пословица была в те времена на устах многих евреев» [2, с. 67]. Х. Арндт приводит этот пример как одно из подтверждений отсутствия совести у Эйхмана и подобных ему. Однако эта ситуация может объясняться и другой причиной.

Коллективный, или символический, субъект, которым оправдывают совершаемое ради сохранения привносимого им порядка зло, наделяется статусом некой метафизической сущности, принадлежность к которой помогает «выйти за пределы заурядного человеческого существования, обрести метафизическое основание своей жизни» [6, с. 64]. Как член этой общности, человек может одобрять и поддерживать зло, последовательно снимая с себя ответственность за свои поступки, заменяя откровенные слова специальными формулировками, не принимая иных позиций и в целом боясь совершить хоть что-то, что вывело бы его за рамки сложившейся системы отношений.

Заключение. В изучении зла как морального и социального явления Х. Арндт применяет феноменологическую методологию, зло само показывает себя в деяниях нацистского преступника Адольфа Эйхмана, сама Х. Арндт стремится показать содеянное им «как есть», без собственных оценочных суждений и влияния мнений участников процесса над Эйхманом и широкой

общественности. Второе, к слову, ей удается лучше, чем первое.

В философском творчестве Х. Арндт зло описывается как то, что присутствует в общественных отношениях незаметно, независимо от того, радикальное оно или банальное. Радикальное зло «растворяется» в дегуманизирующих идеологиях, отказывающих человеку в праве называться человеком, а банальное зло скрывается в повседневной суете, обыденных решениях, привычных поступках.

Тем не менее не всякое сообщество находится в тотальной власти зла. Модель таких общественных отношений включает в себя связи беспрекословного подчинения порядку, установленному между социальными группами и индивидами, что исключает возможности ответственного поведения индивидов и групп; принадлежность к такому сообществу придает существованию его членов высший смысл; практики использования специальных языковых выражений скрывают действительное зло в поступках и решениях; участникам этих отношений отказано в способности критического мышления и умении смотреть на вещи глазами Другого, они существуют в двух планах – как участники общественных и повседневных частных практик, при этом их поступки и решения не дифференцируются в соответствии с этими видами практик. В сумме эти условия позволяют злу превращаться в незаметное, повседневное, привычное явление, которому не даются острые эмоциональные оценки, против которого не вырабатываются специальные приемы и практики.

Список литературы

1. Wielgus M. Arendt's phenomenology: social-political thought and ethical life // *Dialogue and universalism: Journal of the international society for universal dialogue*. 2015. Vol. 25, no. 3. P. 9–22.
2. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.
3. Арндт Х. Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
4. Московская А. С. Понятие «банальность зла» в этике Ханны Арндт: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. М.: МГУ, 2015. 25 с.
5. Московская А. С. Связь между банальным и радикальным злом в этике Ханны Арндт // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-mezhdu-banalnym-i-radikalnym-zlom-v-etike-hanny-arendt> (дата обращения: 01.03.2024).
6. Гуляев Р. В. Два тела короля и два тела злодея: политико-философский аспект «банальности зла» Ханны Арндт // *Философские науки*. 2017. № 3. С. 53–67.
7. Краснова Л. А. Этико-философские идеи Ханны Арндт и эксперименты социальной психологии: общее и различие // *Философия и общество*. 2017. № 4. С. 96–103.
8. Pashkova V. M. Hannah Arendt: phenomenology of thinking and thoughtlessness // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2012. № 4 (12). С. 38–40.
9. Московская А. С. Понятие банальности зла Ханны Арндт в пространстве современного искусства // *Филология: научные исследования*. 2017. № 4. С. 99–105.
10. Яркеев А. В. Концепция социального зла в политической онтологии Ханны Арндт // *Социум и власть*. 2016. № 5 (61). С. 29–34.

References

1. Wielgus M. Arendt's phenomenology: social-political thought and ethical life. *Dialogue and universalism: Journal of the international society for universal dialogue*, 2015, vol. 25, no. 3, pp. 9–22.

2. Arendt H. *Banal'nost' zla. Eykhmann v Iyerusalime* [Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil]. Moscow, Yevropa Publ., 2008. 424 p. (In Russian).
3. Arendt H. *Zhlyzn' uma* [The life of the Mind]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 517 p. (In Russian).
4. Moskovskaya A. S. *Ponyatiye "banal'nost' zla" v etike Hanny Arendt. Avtoreferat dissertatsii kandidata filosofskikh nauk* [The concept of "banality of evil" in the ethics of Hannah Arendt. Abstract of thesis PhD (Philosophy)]. Moscow, 2015. 25 p. (In Russian).
5. Moskovskaya A. S. The connection between banal and radical evil in the ethics of Hannah Arendt. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obschestvennyye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 2014, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-mezhdu-banalnym-i-radikalnym-zlom-v-etike-hanny-arendt> (accessed 03.01.2024) (In Russian).
6. Gulyaev R. V. Two bodies of a king and two bodies of a villain: the political and philosophical aspect of Hannah Arendt's "banality of evil". *Filosofskiyе nauki* [Philosophical Sciences], 2017, no. 3, pp. 53–67 (In Russian).
7. Krasnova L. A. Ethical and philosophical ideas of Hannah Arendt and experiments in social psychology: commonalities and differences. *Filosofia i obschestvo* [Philosophy and society], 2017, no. 4, pp. 96–103 (In Russian).
8. Pashkova V. M. Hannah Arendt: phenomenology of thinking and thoughtlessness. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2012, no. 4 (12), pp. 38–40.
9. Moskovskaya A. S. Hannah Arendt's concept of the banality of evil in the space of contemporary art. *Filologiya: nauchnyye issledovaniya* [Philology: Scientific studies], 2017, no. 4, pp. 99–105 (In Russian).
10. Yarkeev A. V. The concept of social evil in the political ontology of Hannah Arendt. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2016, no 5 (61), pp. 29–34 (In Russian).

Информация об авторе

Врублевская-Токер Татьяна Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: tokerti@bsu.by

Information about the author

Vroublevskaya-Toker Tatiana Ivanovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy of Culture. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: tokerti@bsu.by

Поступила 15.03.2024